

Кузнецов И.В.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
E-mail: ikuz11@yandex.ru*

Выходцы из «социально-чуждых слоев» в учительстве Владимирской губернии 1920-х годов

В первые послереволюционные годы в Советской России сложился вид социальной эксклюзии, основанной на дискриминации по происхождению. Эта эксклюзия носила официальный характер и была нормативно закреплена в Конституции в форме лишения «нетрудовых элементов» и их близких родственников политических и гражданских прав. Политическое исключение влекло за собой разнообразные проявления других ограничений, в том числе и в профессиональной сфере, где представители бывших привилегированных классов находились под постоянной угрозой увольнения из-за неподходящего происхождения. Понимая свою уязвимость, «бывшие» стремились обеспечить максимальную стабильность своего положения, находя такую работу, для которой были необходимы специальные знания и опыт, ставшие главным преимуществом «бывших» на рынке труда.

Одной из сфер, где оказались востребованы выходцы из нетрудовых классов, являлось школьное образование. Провозгласив задачу ликвидировать неграмотность и сделать образование максимально доступным широким массам, Советская власть нуждалась в большом количестве педагогов, имеющих необходимое образование и способных организовывать процесс обучения. Этот кадровый дефицит в двадцатые годы XX века мог быть восполнен только за счет привлечения в школы учителей с «неблагонадежным происхождением», многие из которых имели опыт преподавания еще до Октябрьской революции. Невозможность быстро заменить их пролетарскими кадрами делала положение «бывших» в сфере образования достаточно устойчивым, даже если они избегали общественной нагрузки, о чем свидетельствует пример учительницы Дубовой. Ковровский уездный отдел народного образования отказался уволить ее по запросу Владимирского отдела ОГПУ, который получил сведения, вызвавшие подозрения в ее нелояльности Советской власти. Свой отказ руководство ОНО мотивировало тем, что «снятие Дубовой с занимаемой должности в данное время, за полным отсутствием преподавателей немецкого языка, крайне тяжело отразится на деле». [1, Л. 13.] Позицию Ковровского УОНО поддержал губернский отдел народного образования, посчитавший необходимым временно оставить Дубову на занимаемой ею должности. [1, Л. 22]

Профессия учителя была привлекательна еще и тем, что в этот период «бывшие», имели сравнительно узкий выбор профессиональных занятий, а в сельской местности, особенно для женщин, учительский труд был практически единственной возможностью обеспечить стабильные средства к существованию.

Как следствие, образование на протяжении всех двадцатых годов оставалось одной из наиболее засоренных «чуждыми элементами» сфер занятости. В отдельных сельских школах они составляли большинство, поскольку многие продолжили работать и после революции. Так, в начале 1925 года в Дубровской школе I ступени Муромского уезда заведующая и учительница имели духовное происхождение, в Новлянкой школе учительницами работали дочери дьякона и псаломщика. [2, Л. 348, 367]. В целом по уезду из 367 учителей только 156 имели рабочее или крестьянское происхождение, еще 18 происходили из семей духовенства, 11 – из семей торговцев, 57 - из семей служащих (чиновников) и 125 – из свободных профессий. [2, Л. 389] В этих данных обращает на себя внимание использование весьма расплывчатых формулировок для обозначения социального происхождения. Такие формулировки как «служащие», «лица свободных профессий» позволяли скрывать неудобное социальное происхождение, что косвенно свидетельствует о достаточно лояльном отношении руководства к учителям из «бывших», хотя подобная лояльность носила временный характер.

Местные отделы народного образования постоянно отслеживали настроения учителей, с 1924 года регулярно отчитываясь о них во Владимирский отдел ОГПУ. В большинстве случаев эти настроения не вызвали серьезных опасений. В январе 1924 года зав. Киржачским УОНО А.Д. Юдин сообщал, что «политическое настроение школьных работников в массе благонадежно. . . . до сих пор никто из учителей . . . ни в чем контрреволюционным замечены не были» [3, Л. 47.] Аналогичную информацию давали и заведующие УОНО из других уездов. По всей видимости, они не воспринимали выходцев из бывших привилегированных групп как социально опасных.

Исключение составлял лишь Судогодский уезд, где руководство отдела народного образования проводило курс непримиримой борьбы с учителями духовного происхождения, что скорее всего можно объяснить личными убеждениями руководителей местного отдела народного образования. Фактически работой отдела руководил Иван Михайлович Воскресенский, сам происходивший из семьи крупного чиновника, беспартийный, но с твердой коммунистической позицией. Данная ему характеристика отмечает, что несмотря на свое происхождение, за годы службы царской и Красной армии он «выработал в себе коллективистический взгляд на миропонимание и практическую мысль» [4, Л. 3,4.]

Доклады из Судогодского уезда постоянно отмечают как ненормальное явление наличие значительного количества (до 40 человек - 21% всех учителей) школьных работников – дочерей или сыновей попов, списки которых были представлены в ГПУ. В мае 1924 года зав. Судогодским УОНО отчитался о том, что «они все сокращены и освобождены от занимаемой должности» [3, Л. 103]. Однако уже в июне того же года в сводке по Судогодскому уезду сообщалось, что «несмотря на произведенную чистку все же еще остались товарищи, происходящие из духовного звания. С нашей стороны установлен строгий контроль за их работой» [5, Л. 68.] Некоторые из этих учителей уже попадали под сокращение из-за социального происхождения, но были приняты на работу в школу снова.

Другими поводами для увольнения «бывших» могли стать конфликт с местной партийной ячейкой из-за нежелания участвовать в общественной работе, недостаточный авторитет в рабочей среде или сохранение религиозных предрассудков. В случае массовых сокращений они становились первыми кандидатами на увольнение. Так, в июле 1924 года Владимирский ГубОНО отмечал, что по всем уездам сокращение школьных работников «коснулось главным образом элемента, чуждого Советской власти и РКП, а именно детей духовенства, дворян и прочих ненадежных или малонадежных школьных работников» [3, Л. 197.]

Возможности карьерного роста для «бывших» тоже были практически закрыты. Большинство занимало должности школьных работников в начальной школе и могло подняться лишь до должности директора сельской школы. Среди ответственных работников уездного уровня в народном образовании Владимирской губернии только 4 из 28 имели непролетарское происхождение [3, Л. 47.]

Таким образом, в сфере образования, как и везде, «бывшие» составляли социально уязвимую группу, статус которой определялся многочисленными ограничениями, однако нехватка кадров вплоть до конца 1920-х годов обеспечивала им относительную стабильность существования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Владимирской области (грант РГНФ № 16-11-33003)

Литература

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. Р-1045. Оп. 2. Д. 264.
2. ГАВО. Ф. Р-369. Оп. 1. Д. 510.
3. ГАВО. Ф. Р-1045. Оп. 1. Д. 726.
4. ГАВО. Ф. Р-1045. Оп. 2. Д. 245
5. ГАВО. Ф. Р-1045. Оп. 2. Д. 208